Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ст. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОТКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Б. УСИЕВИЧ

№ 4 (495) | Пятница, 18 января 1935 года.

М. Горький

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

Как процесс эволюции материи, — основы всех сил, — жизнь величественно проста, как процесс развития социальных отношений — осложнена всяческой ложью и подлостью. Правда требует простоты, ложь — сложности, это очень хорошо утверждается историей литературы.

В старину на процессах технически примитивного труда и еще не очень резко выраженного расслоения людей на владык и рабов устное художественное творчество трудящихся создало в форме сказок и легенд замечательно яркие образцы живописи словом; общая тема этих произведений устной литературы: борьба человека с природой, с волшебником, овладевшим ее тайнами, и мечта о возможности для трудящихся овладеть силами природы. Это — общечеловеческая тема.

«Общечеловеческое» поэзии и прозы классиков весьма редко возвышается над уровнем общебуржуазного. «Общечеловеческими» в литературе прошлого являются произведения, в которых наиболее пессимистически отразилось ощущение личностью трагической сложности социального бытия, сознание ею ничтожества своего в процессе истории. Ощущение это испытывали и разнообразно выражали господа, но оно было также свойственно рабам, толкая тех и других в фантастику идеалистической философии, в туманы религии. Гликон, ваятель, живший в первом веке до нашей эпохи, изобразил Геркулеса совершившим свой последний подвиг: в руке героя труда — яблоко бессмертия, но его поза, его лицо изображают не радость победы, а только усталость и уныние. Интересно отметить тот факт, что буржуа, победив феодала, нигде не отметил в высокой художественной форме свое «торжество победителя».

Борьба — непрерывна, победы — постоянны, а торжества — нет, или же оно так же кратковременно, как крикливо, — такова недавняя подлая и кровавая победа тройного, зловонного Г., олицетворяющего силу крутной немецкой буржуазии. В Европе XIX—XX в.в. подлинно художественно изображенная личность это, или — критик буржуазного общества, или нытик, человек, который жалуется на тяжесть жизни, человек, который хочет жить независимо от первой — материальной — и второй — социальной природы, хочет жить «сам в себе», как подсказал ему машинально мысливший старичок из Кёнигсберга, основоположник новейшей философии индивидуализма.

Но существует страна, в которой буржуазия потерпела поражение. Это факт, имеющий «общечеловеческое» значение не только для пролетариев всех стран, но и для основной силы буржуазии, для мастеров ее науки, культуры, количество которых превышает спрос буржуазии, а драматизм их социального положения и логика истории указывают им единственный путь свободного творчества — путь с революционным пролетариатом.

Задача и обязанность создать подлинно общечеловеческую литературу возлагается историей на писателей Союза С. С. Республик. Это должна быть литература, способная глубоко волновать пролетариат всей земли и воспитывать его революционное правосознание. Материал для создания высокоценной поэзии и прозы у нас уже есть — совершенно новый материал, созданный и непрерывно создаваемый революционным мужеством творчества рабочих и крестьян, их разнообразной талантливостью. Это — материал победы, небывалой в истории человечества, победы пролетариата и утверждения диктатуры пролетариата. Смысловое, историческое мировое значение факта этой победы совершенно исключает из обихода нашей литературы темы безнадежности, бессмысленности личного бытия, тему страдания, освященную вреднейшей ложью христианства. Страдание человека почти всегда изображалось так, чтоб возбудить бесплодное, бесполезное сочувствие, «сострадание» — и крайне редко для того, чтобы насытить чернорабочего строителя культуры чувством мести за его попранное человеческое достоинство, зажечь в нем ненависть к страданию, к источникам его, к творцам подлейших ужасов жизни.

170 миллионов людей отказались от позорной обязанности страдать ради удобств и удовольствий командующего класса. Они еще не успели устранить все внешние причины жалейских неудобств, потому, что у них еще не было времени для этого, а также, конечно, по вине их пассивности и мещанского стремления поскорее вкусить дешевеньких «радостей жизни» — поспешность этого стремления об'ясняется тем, что хотя у нас мещанин физически побежден, но все еще «бытует» вместе с нами, распространяя запах тлетворный и одуряющий.

Материалом художественной литературы служит человек со всем разнообразием его стремлений, деяний, человек в процессе его роста или разрушения. Материал у нас есть, но мы плохо изучаем его и у нас отсутствует уменье организовать этот материал в формы высокого искусства. Уменье создается знанием, стало быть нам нужно вооружаться знанием, надо учиться работать искусно и честно. Учиться надо многому и, в наших условиях, учиться не трудно, ибо пролетариат-диктатор разрушил все преграды на пути его детей к науке, искусству.

Литераторы Союза Советов поставлены в центр, внутрь процесса, имеющего мировое значение. Это — процесс творчества культуры, основанной на исключении частной собственности на землю и орудия труда, на уничтожении всех форм социального паразитизма. Но физически включенные в этот процесс, наши литераторы, пытаясь изобразить его, все еще относятся к человеку, живой силе этого процесса, поверхностно, небрежно и даже — равнодушно, рассказывают о нем словами казенного, холодного восхищения, а изобразить его хотя бы таким, каков он есть — не умеют. И не понимают, что **подлинное искусство обладает правом преувеличивать,** что Геркулесы, Прометеи, Дон-Кихоты, Фаусты — не «плоды фантазии», а вполне закономерное и необходимое поэтическое преувеличение реальных фактов. Наш реальный, живой герой, человек, творящий социалистическую культуру, много выше, крупнее героев наших повестей и романов.

В литературе его следует изображать еще более крупным и ярким, это не только требование жизни, но и социалистического реализма, который должен мыслить гипотетически, а гипотеза - домысел — родная сестра гиперболе - преувеличению.

Недавно вышла весьма интересная, очень острая книжка Д. Мирского «Интеллидженсия», в ней характеризуется интеллигенция Англии и между прочим сказано, что буржуазия, «признав ограниченность познавательных способностей своих, отказалась от познания закономерностей и ограничивает мышление только оценками». Это — сугубо правильная мысль, особенно в ее приложении к явлениям социальным. Познавательный аппарат буржуазии износился на долголетней работе перемалывания суровой и отвратительной «правды» жизни, творимой буржуазией, в пыль и в ложь религии, философии, в ложь мещанского, либерального «гуманизма», а ныне безграмотную ложь фашизма. Но, к сожалению, наша литература в большинстве ее дает право сказать, что она тоже отказывается от познания закономерностей в пользу внешних, поверхностных оценок.

Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был пастухом, был социальноопасным правонарушителем, был батраком кулака, — стал инженером, медиком, ученым естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала профессором философии, агрономом, парторгом и т. д. Говоря это, люди сообщают как бы только о факте своего физического перемещения в социальной среде, не умея, и иногда — не желая рассказывать о химии факта. Вскрыть психо-химический процесс перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры, вскрыть закономерность этого явления, показать, какую роль играла в нем классовая идеология пролетариата, как сопротивлялись ей зоологические эмоции мещанства, — это дело революционера-художника, «инженера душ».

Суть и смысл факта не только в том, что пастух строит машины, а батрачка — директорствует на фабрике. Ведь крупная буржуазия физически размножается и размножилась не только путем деторождения, но также и путем отбора и всасывания в жирную клейкую среду свою людей наиболее талантливых и энергичных из среды рабочих, крестьян, мелкой буржуазии. Неисчерпаемо огромный мир трудового народа всегда изобиловал талантами и тысячи их, становясь идолопоклонниками культуры собственников, освежали силу класса врага, укрепляли его власть над миром. Только единицы, десятки отдавали таланты свои делу организации классового революционного правосознания пролетариата, указывали ему на историческую необходимость борьбы против грабителей мира, фабрикантов нищеты и вырождения трудового народа. Об этом пожирании капиталистами талантливых людей враждебного им класса начинают рассказывать некоторые из литераторов современной Европы, Америки, — рассказывают потому, что уже чувствуют драматизм своего положения в обществе двуногих зверей в перчатках и цилиндрах, в среде владык, которые снова организуют грандиозное всемирное истребление миллионов рабочих и крестьян.

2

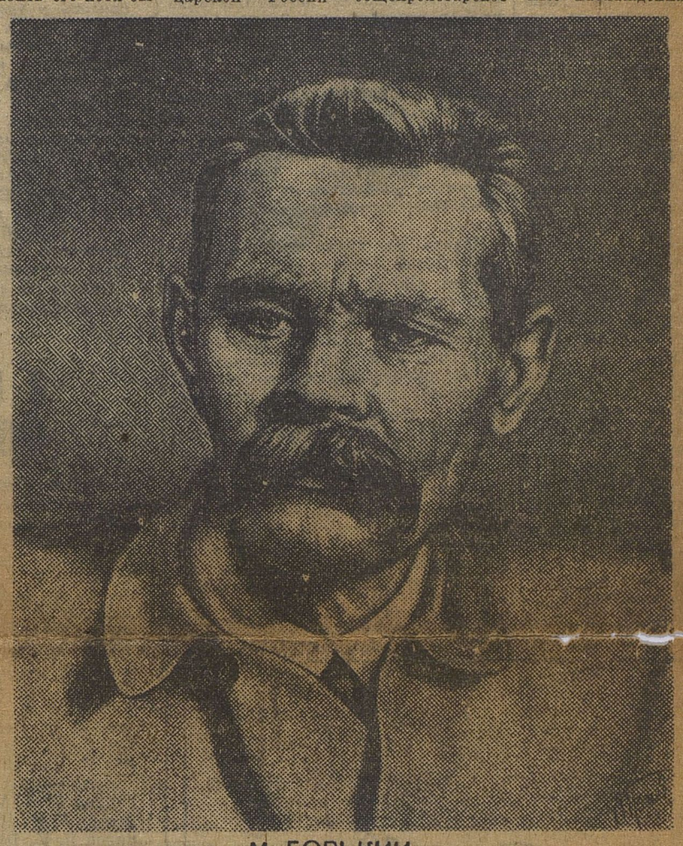
Задача нашей, всесоюзной литературы показать, как батраки и батрачки, которым церковь и семья веками внушали пренебрежительное и враждебное отношение к батракам и батрачкам иных племен, религий, языков, нашли во всех племенах царской России общепролетарское чувство кровного, классового родства, как в разноплеменной стране Союза Советов возникает сознание единства цели, как это сознание будит и организует таланты, как оно возбуждает жажду знания, трудовой героизм и готовность бороться за великое дело пролетариата (на всех точках земного шара). Основная тема всесоюзной литературы показать, как отвращение к нищете перерождается в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем подлинно революционной литературы, в ней заключен материал для создания «положительного» типа человека героя, в ней заключена вся «историческая правда» эпохи, а таковой правдой является революционная целесообразность энергии пролетариата, — энергии, направленной на изменение мира в интересах свободного развития творческих сил трудового народа.

●

Рядом с людьми, новорожденными революцией для того, чтобы продолжать расширять, углублять уже начатое дело коренного изменения мира, все еще живут и воняют люди с психикой ненасытных потребителей, люди, которые, еще не успев освоить и проглотить данный им кусок, спрашивают: а еще, а завтра что будет? Они чрезвычайно быстро привыкают к успехам воздухоплавания, к чудесам радио, росту электрификации, к полетам в стратосферу и гримасничают: «Что же — стратосфера? Вот если бы на Марс?» Они не прочь посмотреть на что-нибудь героическое, похлопать героям ладоньми, но развлекаясь грандиозностью событий, они чувствуют себя в праве горько жаловаться на то, что в продаже нет каких-то особенно любимых ими пуговиц и нет мармелада, тоже особенно обожаемого ими. И никто из драматургов наших все еще не равен Шекспиру, хотя советская литература существует уже 18-й год. И нет романиста, равного Бальзаку или Флоберу, и нет поэта, равного Пушкину.

Вот предо мной рукопись статьи «Политика в искусстве», автор — человек в свое время весьма заметный артист театра. Он боится, что «так называемый социалистический реализм не достаточно строго относится к восприятию основных задач искусства». Он советует «оставить давно набившую оскомину фразу, что искусство определяется структурой общества. И хотя Шекспир, когда ему — должно быть — напомнили об Уотт Тейлоре, Степане Разине Англии и о других возмутителях покоя лордов — Шекспир создал фигуру Калибана, автор статьи заявляет: «величайшее значение Шекспира в том, что из его произведений никак не узнаешь, кому он сочувствовал, что отрицал, и в этом его несомненное преимущество пред всеми величайшими художниками слова». Состояние умственных способностей этого автора лучше всего характеризуется его патетической фразой: «О, если б где-либо, когда-либо господствующий класс не физически, а только идейно подчинил подвластных ему — какой бы тогда наступил блаженный век для человечества!»

А вот еще рукопись другого автора, значительно более грамотного литературно. Он ставит вопросы такого рода: «Как понимать историческую правду? В какой связи она находится с методом социалистического реализма?» Далее он говорит, что «запретное» для смертного «таит неиз'яснимые наслаждения», что «подлинный драматизм» — это «кислород для искусства, его как бы естественный художественный материал», что «фигуры умолчания» о драматизме жизни «порождают лакировку действительности». Дальше автор заявляет, что «трагедия, как высшее выражение конфликтов бытия уже утрачивает почву у нас и мы изо всех сил работаем над уничтожением трагедии». И у него выходит так, что у нас уничтожается основа искусства. По его словам причиной этого несчастия служит «слабость мысли, слабость фи[illegible]».



М. ГОРЬКИЙ

Рис. А. Панова

Казалось бы, что из признания факта этих слабостей необходимо следует единственно правильный вывод: Надо учиться! Автор видимо и желал сказать это, но сказал в такой форме: «Дело пролетариата и теория его, теория марксизма, неопровержимы. Вот почему мы должны искать факты, которые могли бы «опровергнуть» их». Так и написано. А вся статья, насколько можно понять смысл ее, написана должно быть затем, чтоб сказать: «искусство должно служить «об'ективной» истине. А на кой она чорт нужна автору и что такое эта «об'ективная истина» — об этом он себя очевидно не спрашивал и каково ее отношение к «суб'ективной» правде пролетариата, к революционной целесообразности, к правде эпохи, организующей миллионы людей, как новую творческую силу, — об этом автор должно быть не думал.

Между тем «об'ективная истина» даже не фотография, а нечто гораздо хуже, — хуже потому, что она двулична, — «дуалистична», как говорят люди, читавшие философические книжки. Она берет человека, противопоставляя его миру, обществу, среде, и берет его утешительно пестреньким, одновременно совмещающим в себе честное и подлое, глупое и хитрое, берет его как нечто, за власть над чем — по Достоевскому — борются «бог и дьявол». «Человек обречен на страдание, как искра, чтоб устремляться вверх», а «верх» это, обычно, какая-нибудь жалкая пизость, в недрах-которой страдалец успокаивается. Человек всегда чья-нибудь жертва: государства, «общества», «среды» - «сексуальных эмоций» извращенных до однополой любви, — хотя весьма заметно, что и под этой «любовью» у мещан спрятан расчетец: жить с мужчиной дешевле, чем с женщиной, дешевле и спокойнее — детей не будет. Мещанин вообще и всегда страдалец, даже и тогда, когда он материально устроился вполне благополучно, но чувствует, что благополучие его непрочно, что вокруг его лисьей норы есть руки, готовые содрать с него кожу, руки мещан более крупного калибра. Мещанин весьма заинтересован в том, чтоб существовала «об'ективная истина», чтоб литература изображала его начиненным непримиримыми противоречиями мысли и чувства. Это очень устраивает его, — об'ясняет, оправдывает, успокаивает. Пред нашей литературной молодежью отличная, никем еще не тронутая тема: мещанин в страдании и спасительность об'ективной истины. К этой теме близко подошел в романе «Бювар и Пекюше» только один проницательный Флобер, непримиримый враг мещанства, враг с правой стороны. Где-то в корне своем «об'ективная истина» равноценна религии: она тоже пытается утешать, но она, пожалуй, вреднее религии, ибо обманывает более искусно. В конце концов: она внушает: «так было — так будет». Но о ней поговорим в другой раз.

Итак — «слабость мысли, слабость философии», — говорит любитель об'ективизма в литературе. Известно, что «философы об'ясняют мир», пролетариат создан историей для того, чтоб изменить этот мир и уже весьма успешно начал это трудное, прекрасное дело. Напомню, что недавно, на с'езде писателей Союза Советов пролетариат — не как диктатор, а как читатель-друг, о котором тосковал Салтыков-Щедрин и многие другие, — громко, на весь мир, заявил о своей высокой оценке литературы, о любви к ней, о надежде, что литераторы дадут ему хорошие честные книги, а литераторы в ответ единодушно заявили о своей готовности работать «в контакте» с ним, согласно с его революционной деятельностью, сообразно творимой им «легенде» и правде эпохи — «суб'ективной»? — правде сотен миллионов людей, которые постепенно сознают свое право быть хозяевами жизни.

Против этой правды — «об'ективная» правда прошлого. О чем бы она ни говорила, в каких бы словах ни выражалась, она всегда не что иное, как более или менее умело скрытое стремление л[illegible]ть свое «идейное» пра[illegible] на узурпацию ч[illegible]жого труда, право на паразитизм. Эта «гуманитарная» личность, воспитанная веками внушений религии и философии фарисеев, иезуитов, инквизиторов, эта личность неизлечимо заражена сладострастной любовью к «трагедиям» жизни. Ее садическая любовь — корыстна, ибо всячески подчеркивая, отмечая, изображая «неудобства бытия» единоличников и «душевные» их страдания, утверждает неизбежность страданий, может быть помимо воли своей, но — утверждает, ибо не хочет или не умеет возбуждать физиологическую брезгливость и ненависть к основному источнику моральных и материальных неудобств жизни — к человеческой глупости, жадности, зависти и к мамаше их — старой ведьме собственности, для мещанства все еще пресвятой и преподобной.

Эта любовь корыстна, ибо для нее «драматизм» социального бытия, «кислород искусства, естественный материал» художника. Эта любовь не только корыстна, но не редко и озлоблена, ибо среди литераторов прошлого есть фигуры «об'ективистов», которые в работе своей явно руководились таким принципом: мне — плохо, так да будет же плохо и тебе, читатель! Это уже злоба прокаженных, злоба людей, которые мстят за свою болезнь здоровым людям.

Могут указать, что людям не на чем было учиться писать о радостях жизни. Это, конечно, правильное об'яснение, ибо в прошлом почти вычеркнута была из жизни радость свободного труда, восторг достижений творчества. Я говорю — почти, потому, что даже и подневольный труд на грабителей мира все-таки увлекал и радовал, но этой радости не замечали, если она не являлась радостью богатого мужика, собирающего хлеб в житницу свою.

Мир, чернорабочий мир, который положил основание культуре прошлого, а ныне решился создать свою, — этот мир стремится к здоровой радостной жизни, он давно уже заслужил право на такую жизнь и все яснее видит, что ее можно построить только тогда, когда будут разрушены все устои государства буржуазного, когда всюду будет вырвана с корнем собственность, основа единоличия, общественной иерархии и одичания, озверения людей. Жалобы единоличника, профессионального и привычного потребителя на драматизм личного бытия, конечно, реальны и мотивы жалоб крайне разнообразны: человек — «венец природы» и «звучит гордо», это — неоспоримо, но также неоспоримо, что он бывает мерзавцем, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным лицемером, врагом рабочего класса, шпионом капиталистов, — в таковых его качествах он подлежит беспощадному уничтожению. Ах, конечно, трагически трудно жить, когда каблуки сапог стоптаны, жена соседа красивее моей, Бокову дали орден, а мне, Кошкину, только премию, — отрез на брюки, коробки спичек сделаны небрежно, открываются с трудом, — «Подумайте: миллионы людей пользуются спичками, сосчитайте, какое огромное количество энергии бесплодно тратит страна, открывая эти скверно сделанные коробки? Вот как мы изменяем мир!» Затем профессиональный потребитель, будучи критиком, легко взлетает выше спичечных коробок, к основным вопросам социального бытия и творчества, он готов даже вознестись к вопросам бытия космического, которое предоставляет невеждам более безграничную свободу мысли, чем серьезным мыслителям. Пора бы поставить вопрос: что значит моя личная «трагедия» на фоне и по сравнению с той трагедией, которая неизбежно возникает на путях творчества пролетариатом новой истории и которая должна выразиться в форме всемирной битвы за власть? И — другой вопрос: не пора ли деятелям литературы понять, что время требует от них работы на вооружение пролетариата, на оборону его от всевозможных заразных болезней прошлого, на возбуждение в нем непримиримой ненависти к производителям всех несчастий, мучений, всех «трагедий» социального бытия?

Греческое слово «трагедия» переводится на русский язык как «козлиная песнь». В древности на праздниках в честь веселого бога Вакха приносили жертву — козла, при этом хор пел какую-то песню. Есть иное об'яснение, может быть более древнее и правильное: когда-то приношение в жертву богу человека было заменено козлом, как животным, менее полезным, чем раб, теленок, баран. Затем догадались, что бог, наверное, тоже будет доволен, если жертву — плату за грехи — ему будут приносить аллегорически, условно и козла не резали, а, показав его богу, отпускали на свободу. Это и есть «козел отпущения» известной поговорки. Единоличники, индивидуалисты видимо считают себя «козлами отпущения, носителями грехов мира сего и мучениками за грехи всех людей. Эта роль, вероятно, возвышает человека в его собственных глазах и тем более возвышает, чем более часто он слышит о «великих страдальцах за людей», напр. о Гоголе, Достоевском и других этого ряда. У нас очень любят рассказывать «как я страдал» и это — для одних — старинная скучная и вредная игра, выдуманная церковью, рассчитанная на милостыню сочувствия и сострадания, для других же — болезнь, от которой следует лечиться, ибо эта болезнь не дает места отвращению к страданию, — отвращению, как силе, которая должна возбуждать на борьбу против источника всех страданий человеческой массы.

Мы уже знаем, что страдания фабрикуются не древним, мистическим роком, а вполне реальными и внешне почтенными джентльменами человечьей породы, джентльменами, которые становятся все более внутренно зверонодобными и давно заслуживают обуздания.

М. Горький

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

Классовое начало — не мозоль, не опухоль, его не срежешь хирургическим ножом. Нужно показать, как оно рассасывается, исчезает под влиянием той силы, которая возникает только из сознания смысла социалистического труда, — труда, из коего мы должны извлечь нашу философию, этику и эстетику. Многоликие герои нашей действительности уже дают возможность создать из них одного героя. Товарищ Сергей Киров убит нашими врагами потому, что он был именно таким героем. Но до сего дня у нас все еще не наблюдается попыток изобразить Геркулеса, вооруженного всей силой современной техники. Что мешает создать его? Мешает индивидуализм, особенно присущий нашей профессии. Нам очень долго внушали, что литератор способен «творить миры», что поэтами в их работе руководит таинственная «сила вдохновения», а не сила знания, «муза», а не живой человек, равноценный нам по образу и подобию, но работающий для нас значительно лучше, чем работаем мы для него. Конечно, кто может, тот должен и «миры творить», но «в данный отрезок времени» для многих гораздо полезнее научиться хорошо вышекать каравай хлеба насущного Мы печем литературные караваи быстро, а тесто месим небрежно, оставляя в нем комья невежества, малограмотности, перекашиваем тесто плохо понятой книжной мудростью. У нас развелись матерые литераторы солидного возраста, солидно малограмотные, неспособные учиться, они сочиняют беллетристику из материала газетных статей, очень довольны собою и ревностно охраняют свое место в литературе. Они числятся коммунистами, пребывая по уши в тине мещанского индивидуализма и в равнодушии ко всему, что не касается лично их персон. Их влияние на молодежь безусловно вредно. Пороки книг этой группы писателей особенно наглядно обнажаются при сравнении их книг с книгами молодых литераторов братских республик, с книгами, которые подкупают читателя своей горячей искренностью.

Индивидуализм — весьма распространенная болезнь в литературной среде. В книгах люди кое-как научились прятать его, но в быте, во взаимных отношениях и в отношении к читателю, к интересам государства лохмотья индивидуализма демонстрируются вполне бесстыдно. Например, весьма распространена торговля литературой в ее незаконченном виде. Никогда не было портных, которые продавали бы одни и те же штаны трем покупателям, но у нас есть писатели, которые одну и ту же книгу или одни рассказы продают одновременно двум-трем издательствам. Так же принято продавать первую книгу романа, когда вторая еще не написана, а это похоже на сапожника, который продал бы голенища, не доделав головки сапог. На книжном рынке есть немало давно уже изданных «первых» книг, которые все еще ждут вторых.

Союз писателей должен принять какие-то меры против торговли безголовыми книгами. И вообще союз писателей должен создать некое коллективное и твердое суждение о допустимости или недопустимости некоторых фактов, творимых «единоличниками», фактов, которые позорят всю литературу в целом.

Например, ходит слух, что два поэта явились в какой-то сибирский город и предложили устроить несколько вечеров чтения их стихотворений, по две тысячи за вечер. Такой шаляпинский гонорар весьма постыден для пролетарских поэтов. Если этот слух неверен, он, все равно, постыден. И если нам, литераторам Союза советов, людям, за которыми внимательно следят пролетарии всех стран, если нам доступно коллективное сознание нашей чести, нашего значения и достоинства, мы должны немедленно проверять такие скверные слухи и, буде они окажутся верными, исключать жадных поэтов из числа членов союза, а если слухи неверны — привлекать к ответственности авторов лжи, которая позорит литераторов.

Союз должен обратить сугубое внимание на «работу» единоличников с «начинающими». Работу я поставил в кавычки потому, что за некоторыми исключениями не вижу в этой работе плана, программы и даже простой грамотности. «Всяк молодец» учит «на свой образец», а ему самому еще следует учиться. И наблюдается явный вред этой работы, ибо весьма часто учитель снимает с производства ученика, которому случайно удалось написать приличные стишки или сравнительно грамотный рассказец. Таких учеников, исключенных из производственного процесса, уже немало, живут они, задрав нос кверху, мозги у них сдвинуты набекрень, живут бездельно, и есть прямая опасность, что вместо пролетарских литераторов воспитываются паразиты пролетариата, а он — враг всякой собственности — в собственных паразитах не нуждается.

Затем следовало бы союзу литераторов обратить внимание на тон критических статей и рецензий. Критика должна учить писать, сами критики тоже должны писать просто, ясно, убедительно. Если критикуемый писатель не изобличается как явный или скрытый враг пролетариата, а пишет только плохо, неверно, искажая действительность, не умея отличить важное от неважного, следует спокойно и серьезно об'яснить ему, что неверно, почему плохо, чем искажено. А орать на него, издеваться над ним, это значит пользоваться приемами преподавателей неоспоримых истин в старых царских школах, где обучалась интеллигенция «применительно к подлости», как сказал Салтыков-Щедрин.

Статьи наших критиков почти всегда вызывают странное впечатление: знаешь, что их пишут люди, знакомые с несокрушимой логикой философии, гениально построенной на изучении политэкономии. Люди эти живут в стране, где взаимодействие вещей — элементов, явлений — приняло характер фантастически бурный, где миллионы людей вовлекаются в процессы строительства чудовищных сооружений, изменяющих лицо страны, в производство невиданных машин, аппаратов, орудий труда, предметов быта, где люди создают новые соотношения различных видов материи и действительно изменяют мир, а не только физически изменяют формы материи, вдвигая ее упрямые тяжести в круг своих интересов, все более широкий. В этом мире, уже частично измененном энергией человека, эта энергия становится все более коллективной силой, играет роль все более своенравного катализатора элементов и энергии материи. Материя торжествует, решительно заявляя о себе как о матери всех явлений мира, о матери, оплодотворяемой не духом, а самооплодотворяющейся той тончайшей и могучей энергией, которую она создала, вместилищем которой является человек; недавний ее пленный и раб, ныне он становится владыкой всего сущего. Так, мне кажется, надо понимать исторический процесс, предуказанный Марксом и Энгельсом, освещенный и углубленный Лениным и все более углубляемый и расширяемый неутомимой работой Сталина, вождя партии, воспитывающей вождей пролетариата.

Статьи молодых критиков наших поражают бесплотностью, отвлеченностью, мертвенной сухостью их языка, номинализмом и многословием схоластов. В этих статьях почти не чувствуется живой плоти, не слышно властного глагола истории, нет освещения фактов. Критиков, видимо, не интересуют и незнакомы им современное состояние и работа экспериментальных наук как на Западе, так и у нас, в Союзе С. С. Республик. Их статьи, перегруженные философской терминологией, трудно и скучно читать. Кажется, что критики пишут их, стоя далеко в стороне от действительности, тогда как она втягивает в свой вихрь миллионы нормальных людей, жаждущих знания, необходимого им как вооружение против врага, разбитого, но еще не уничтоженного.

Ковырять и сокрушать человеческое достоинство, это — вовсе не задача критика, а публичная демонстрация одного из мещанских качеств, демонстрация отношения ко всякому человеку как существу низшего — в сравнении с критиком — типа, демонстрация скуки, лени, неумения читать или раздражения на собственную бездарность.

Особенно следует бороться против безответственных и, в огромном большинстве, малограмотных рецензий. Кажется, еще В. Курочкиным сказано:

«Свежим воздухом дыши
Без особенных претензий,
Если ж глуп — так не пиши,
А особенно — рецензий!»

Редактора весьма либерально мирволят глупости рецензентов. Вот предо мной рецензии некоего Зел. Штейнмана на повесть «Горы» Газубрина, весьма даровитого писателя, усердно и успешно работающего над собой, в чем можно убедиться, сравнив «Горы» с его первым романом «Два мира», романом, который выдержал, кажется, десять изданий и, — на мой взгляд, — должен быть всегда на книжном рынке. Рецензия озаглавлена «Тарзан на хлебозаготовках». С «Тарзаном» сравнивается герой повести, коммунист Безуглый. Не могу признать это сравнение остроумным, ибо очень легко сравнить любого человека с выдуманной полуобезьяной, так же легко, как сравнить рецензента с любым из существующих животных и насекомых. Но — легко сделать еще не значит хорошо сделать, следует делать, уместно делать. Действие повести «Горы» развертывается на Алтае, в среде звероподобного сибирского кулачья. Горный пейзаж мощным хаосом своим возбуждает в коммунисте, здоровом человеке, бойце гражданской войны, инстинкты древнего охотника и еще кое-какие эмоции. Свойство горного пейзажа весьма ярко и глубоко отразилось в фольклоре всех народов, а особенно на воображении равнинных племен, этф свойство возбуждает воображение, возвращает его в «глубину времен», к судорогам земной плоти. Рецензент иронизирует над эмоциями коммуниста Безуглого. «Голый человек на голой земле», — пишет он для удовольствия «единоличников», мещан, которых, вероятно, до слез ярости тронет сцена истребления кулаками лошадей и маралов, — сцена яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное и уместное изображение Газубриным жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недопустимым. А вот в рассказе С. Гехта «Талисман Левашова» автором даны такие характеристики женщины: «... она с бесстыдством купленной на ночь девки охотно выполняла все развратные требования». «О ней можно было сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены». Интересно, что сказали бы по поводу этих строк Штейнману его этика и эстетика? Что говорят этика и эстетика нашим критикам, когда критики читают у Пильняка такие, например, фразы: «Горохом шагов просыпалась лестница из мезонина, никогда раньше не слышанная», «Нефть и индустрия — братья, равно как братья нефть и война»... «откупил подвал от бочек и канатов, расставил там бочки с элем, содержательствовал этот кабак» и т. д. и т. д. Что скажут критики и рецензенты об этих уродливых попытках Пильняка писать языком Андрея Белого, уже вполне достаточно истерически искаженным? Так как Пильняк человек сравнительно грамотный, то он своими фокусами дает мне право подозревать его в склонности к словесному хулиганству и в отсутствии у него чувства уважения к читателю.

Весьма часто у наших писателей находишь странные фразы, например: «Исчезла тишина послеобеденного часа, когда, **в старину, рабочий день заканчивался в два или четыре** и за этими часами человек принадлежал только себе, своей семье и дому, своим частным делам». Фраза эта приведена в противовес сегодняшней занятости рабочего общественным делом. Но что думал редактор «Нового мира» (ноябрь, стр. 13), когда он читал эти строки о «старине», и почему он не нашел нужным несколько изменить их?

Ф. Панферов напечатал в «Октябре», книга 9-я, статейку «О мудрой простоте». Правильно указал, что «дискуссия о языке свелась к болтовне», что «для нас, практиков литературного движения, на сегодня вопрос о языке является самым важным вопросом», а «комбинаторы и штукари» заботятся лишь о том, «лишь бы набить друг другу морды, а потом выйти» — куда? — «и сказать: «На поле брани ни пера, ни пуха» *.

* **Примечание:** Слова «ни пуха ни пера» не имеют никакого отношения к «брани», и выдавать их за поговорку не следует. Слова эти — благожелательное напутствие охотнику по птице, их скрытый смысл прямо противоположен явному смыслу слов, ибо слова эти — осколок древнего заговора на «удачу охоты».

3

Примеров «мудрой простоты» Панферов не привел, но обнаружил, что подлинное значение «дискуссии о языке» не понято им, и увеличил количество малограмотной болтовни, осужденной им. Трудно понять, чего он хочет, но — как будто — хочет, чтобы писатели прислушивались к «словотворчеству» деревни. Именно так, как это понимает он, Панферов. Как пример словотворчества он приводит фразу: «Я — завоеватель городов», находя, что эта фраза «безусловно присуща» только «бывшему партизану, который действительно завоевывал города, но не для себя, а для революции». Кончив завоевывать города, партизан «налетел на больших людей»(?), «они вызвали его в Военакадемию». «Поучился месяца два, потом сбежал: наука не шла в голову». «Его судили за дезертирство, отняли партбилет, он попадает в деревню и опускается, начинает пить». «Я знаю, что впоследствии, — сообщает Панферов, — получив орден Красного знамени, он напился и бросил его в Волгу». «В 32 г. он был уже председателем колхоза». Далее Панферов приводит краткий диалог между своим героем и старым кулаком, который «ковыряет советскую власть, партию, но умно ковыряет». Герой говорит кулаку: «Что же, власть крепко взяла вожжи в руки». Панферов не сообщает, как это сказано: тоном вопроса, сожаления или же тоном констатации факта. Старый кулак отвечает: «Соглашаюсь, очень крепко прибрала; если скажут мужикам: становитесь на карачки, ползите сто верст—поползут!» Герой отвечает ему: «Если в архив поглядеть, то ты ползешь на карачках, а мы бегом вперед идем». Диалог этот приведен Панферовым для того, чтоб воскликнуть: «Но посмотрите, даже кулак уже говорит более прямо, чем крестьянин Гл. Успенского». Но Панферов не знает, как и насколько «умно ковыряли» власть царя мужики 70-х годов, когда купец начал грабить их еще более жестоко, чем помещик, не знает Панферов, как и что говорили мужики 80-х годов после того, когда царь Александр III сказал лично волостным старшинам, чтоб крестьянство потасило все свои мечты об увеличении наделов. Гл. Успенский не мог, по условиям царской цензуры, точно воспроизвести мужицкие речи. Оставим в стороне вопрос о том, насколько важно и кому полезно то, что кулак научился «умно ковырять власть и партию», как утверждает автор статьи «О мудрой простоте».

Из дальнейшего следует, что кто-то — деревня или Панферов — плохо знает русский язык, ибо бегом не ходят, а бегают. «Завоевателями городов» называли себя весьма многие, например Чингис-хан, граф Монфор, «неустрашимый завоеватель города Прованса и жестокий истребитель еретиков», б[illegible] ядовой солдат, а [illegible] и многие другие [illegible] этого ряда. Панферову угодно у[illegible]ждать, что он знает село, в одной части которого крестьяне говорят «чаво», в другой— «чиво», в третьей — «чево», а в четвертой — «чего». Сомневаюсь. Такое село было возможно при крепостном праве, когда помещик сгонял в свое курское или воронежское имение крестьян, купленных или же унаследованных в Костромской, Рязанской, Калужской губернии. Но и в этом случае крестьяне через одно поколение говорили бы чево или чаво или же чиво, а «чего» — не говорили бы, ибо никто так не говорит, потому что в словах чего, кого, его и т. д. г звучит как в.

Крайне характерно, что, говоря о «словотворчестве» деревни, Ф. Панферов не видит его в «частушке», т. е. там, где оно на лицо, и в формах простых, здоровых.

Панферов все еще продолжает спорить против людей, «рабски преданных классическому прошлому» и яко бы утверждающих, что «нам нужно учиться только у классиков». Вот это и есть та самая «болтовня», против которой высказался Панферов в своей беспомощной статейке, именно такие малограмотные статейки и свели спор о языке до газетной «болтовни».

А в результате этой болтовни молодые авторы относятся к языку небрежно, неряшливо, хватают бытовые словечки, смысл которых самим авторам неясен, и «Правда» отмечает в «Заметках читателя» 28 декабря 1933 г. постыдные примеры засорения языка бессмысленными, безобразными словами. «Читатель» их найдет в книгах Кретова и Подобедова, изданных в Воронеже.

Здесь вполне уместно спросить редакторов журналов и газет наших: читают ли они материал, который печатают? Мне кажется, если читают, то — небрежно. В рецензии «Литгазеты» на бестолковое предисловие, которым снабжена весьма ценная книга Мориака «Клубок змей» сказано, что Мориак «увенчан креслом». Это неверно. Для венчания употребляются венки и венцы, а они не имеют ничего общего с мебелью, хотя бы это были венские стулья, — редактор должен был сообщить об этом автору рецензии. Тов. Мицкевич, перечисляя «тенденциозных писателей», поставил в один ряд Омулевского, Слепцова, Михайлова-Шеллера и приспособил к ним писателя Негорева. Первые трое — резко различны, и на них нельзя надевать шапку «тенденциозности» без весьма существенных об'яснений, а писателя Негорева и вовсе не было, был писатель Кущевский, автор романа «Николай Негорев». Редактора обязаны немножко знать историю литературы. В тех случаях, когда писатель соединяет в одно лицо сочинителя пошлейших песенок Вертинского с Чешихиным-Ветринским, автором книг о Герцене и ряда статей о русской литературе, когда писатель называет псалтырь «книгой эротических песен, сочиненных сказочным царем Соломоном», когда он пишет: «парни и девки заливались гармошкой», — редактор обязан исправлять сотни подобных ошибок и описок. И когда Пильняк пишет, что «дочь за три года возрастом догнала мать», нужно убедить Пильняка, что возраст и рост — не одно и то же. А затем редактора должны знать основное: **все слова рождены деянием, трудом, поэтому язык является костью, мускулом, нервом, кожей фактов и поэтому точность, ясность, простота языка совершенно необходимы для того, чтобы правильно и ярко изображать процессы создания фактов человеком и процессы влияния фактов на человека.**

При обилии талантов мы все-таки ухитряемся выпускать на рынок сотни бесталанных книг. Это об'ясняется слабым фактически — интеллектуальным — знанием истории прошлого. Все познается по сравнению, а нашей молодежи не с чем сравнивать видимое ею, прошлого они не знают и потому недостаточно ясно видят смысл настоящего. Каждый писатель — в той или иной мере историк, иллюстратор истории, — наши писатели не сознают исторического значения их работы. По сей причине им и неясен процесс роста и развития новой индивидуальности в коллективной работе на полях и в цехах фабрик. Констатируют факты, оценивают их, но, как уже сказано, не умеют изобразить логику фактов, химию поступков, закономерность преображения человека или возвращение его в ослепляющий туман прошлого.

Писатели редко и не надолго посещают колхозы, фабрики, гигантские новостройки. С действительностью они знакомятся по газетам или по работе очеркистов, которые оцениваются ими как литераторы третьего сорта, кажется, есть даже писатели, которые относятся к очеркисту, как относились офицеры царской армии к денщикам. Для того чтобы хорошо владеть материалом, необходимо всесторонне изучить его, а учиться мы не очень любим, предпочитая учить, что, разумеется, гораздо легче.

Тот факт, что литераторы все более охотно берутся большими группами за коллективную работу над материалом, знаменует, на мой взгляд, весьма серьезный поворот товарищей литераторов к живому и крайне полезному делу.

Что может дать такая работа каждой единице коллектива? Все, что эта единица пожелает и сумеет взять. Во-первых, даст ознакомление с обширнейшим и разнообразным количеством фактов, с количеством, которое «единоличник» мог бы освоить только годами накопления. Во-вторых, поможет ограничить разрастание плесени эмоционального, мещанского индивидуализма и воспитать качество необходимой новой индивидуальности, создаваемой действительностью. Индивидуализм необходим только для того, чтобы изображать жизнь своими словами, а не списанными из чужих книг, но вовсе не для того, чтобы изображать собственную свою персону во всем величии ее бестолковости. Кстати, пора бы перестать рассказывать читателю о том, «как я работал», а если нужно говорить на эту тему, так говорить о том, как **мы** работаем. Когда одного старика спросили, как он плетет лапти, он ответил: «Возьму лыко, возьму кочедык, да и ковыряю, ковыряю, да и думаю: эх, сапоги надо бы!» К сожалению, у нас, когда плетут литературные лапти, о сапогах не думают. В-третьих, коллективная работа, углубляя знакомство писателей друг с другом на живом деле, должна будет воспитать среди литераторов взаимное уважение друг к другу, как нельзя более естественное в стране, где правильным критерием социальной ценности единицы признается ее трудоспособность, ее творческая энергия и понимание ею исторического смысла ее труда.

Товарищи, в нашей среде очень много пошлого и глупого, — все это нужно вытравить из нашей среды! Был, например, такой случай: Д. Мирский, отлично грамотный человек, умный критик, член английской компартии, совершенно правильно указал в печати, что «Последний из Удеге» не украшает советскую литературу. Суждение это общепризнано, ничего обидного в нем не содержится, сам автор этой книги тоже знает, что она очень плоха. Но Д. Мирский разрешил себе появиться на землю от родителей-дворян, и этого было достаточно, чтобы на него закричали: как может он, виновный в неправильном рождении, критиковать книгу коммуниста? Некоторые защитники неудачной книги тоже нашли нужным сказать, что они не позволят осуждать книгу Фадеева человеку, родившемуся неправильно, и этим чванным, но не умным заявлением поставили себя в смешную позицию аристократов, как бы генералов от литературы. Событие смешное, но и печальное. Следует помнить, что Белинский, Чернышевский, Добролюбов — дети священников, и можно назвать не один десяток искренних и крупных революционеров, детей буржуазии, которые вошли в историю русской революции как честнейшие бойцы, верные товарищи Ильича. У нас на одном из заводов работает сын китайского генерала, коммунист, окончивший вуз. И разве он один таков среди иноземцев-коммунистов?

Само собой разумеется, что ни на минуту нельзя забывать о той интеллигенции, которая, мысля о себе монархически, воображая себя явлением надклассовым, энергично служит грабителям мира, является злостным врагом пролетариата и всегда готова продать, предать, убить, — я говорю о змее, которая обнаружила свое ядовитое жало у нас на 18-м году, и хотя ей переломили хребет, все еще жива, все еще источает гнусный яд клеветы и лжи на Союз советов. Но нельзя и возрождать «махновщину», создание той же интеллигенции, всегда готовой польстить тому, кого она считает сильным и боится. В. И. Ленин считал «махновщину» именно созданием интеллигенции.

Коммунист по титулу и партбилету — не всегда коммунист по существу, как об этом говорят не только чистка партии, а и **убийство Кирова, факт, который невозможно забыть.** Пролетариат по социальному положению тоже не всегда пролетариат по духу, — об этом говорят не только подвиги вождей II Интернационала, но и те рядовые рабочие, которые перескакивают от социализма к фашизму.

Наша страна является магнитом для всех сил, способных искренне работать в направлении коренного изменения мира. К нам все обильнее будет итти научная, техническая, литературная интеллигенция, задыхающаяся в Европе, и только в наших условиях она может окончательно убедиться, что лучший путь пред нею — с пролетариатом. События требуют от нас более внимательного отношения к тем людям, которые могут оказаться разнообразно и глубоко полезными делу «последнего и решительного» боя, делу окончательной, всемирной победы пролетариата.

А у нас возможны такие случаи: голландскому литератору, участнику боев в Амстердаме, не дали слова на с'езде, не встретили его, не дали квартиры, он случайно нашел ее у своего знакомого, буржуазного литератора. Говорят, кто-то отказался печатать стихи Гетнера, потому что они «слишком революционны», а «у нас уже был Маяковский, нам нужны классические стихи». Не печатают стихов Арагона. А как относятся к нам? Испанка Тереза Леон, участница с'езда, рассказывает: «Человек прошел пешком всю Испанию до портового города только для того, чтобы увидеть советский пароход, пароход из «страны, которая работает на освобождение пролетариата всей земли».

Вот — мерзавцы убили Сергея Кирова, одного из лучших вождей партии, образцового работника в деле возрождения пролетариата и крестьянства к новой жизни, к строительству социалистического общества, убили простого, ясного, непоколебимо твердого, убили за то, что он был именно таким хорошим — и страшным для врагов. Убили Кирова — и обнаружилось, что в рядах партии большевиков прячутся гнилые люди, что среди коммунистов возможны «революционеры», которые полагают, что если революция не оканчивается термидором, так это — плохая революция. Слышат ли убийцы, как в ответ на их идиотское и подлое преступление рявкнул пролетариат Союза социалистических советов? Убили Кирова — и обнаружилось, что враг непрерывно посылает в нашу страну десятки убийц на охоту за нашими вождями, для истребления людей, энергия которых преобразует мир. Враг торжествует: еще одна победа!

Мерзавец торжествует, но, наверное, и он догадывается, что такие победы не устраняют, а ускоряют окончательную гибель его, что эти победы все крепче и быстрее организуют энергию классовой ненависти пролетариата, энергию, которую уже невозможно будет истребить свинцом и газом.

Не удалось убить Димитрова—убили Кирова, собираются убить Тельмана и ежедневно, всюду, убивают сотни и тысячи отважнейших бойцов за социализм. Вместе с этим готовятся к новой международной бойне, которая истребит миллионы рабочих и крестьян. Бойня эта нужна только для того, чтоб те лавочники, которые — силою вооруженного пролетариата и крестьянства — победят, могли отнять из-под власти побежденных лавочников часть земли и населения, чтобы на отнятой земле торговать «безданно-беспошлинно» продуктами труда своих нищих рабочих и крестьян, чтобы бессмысленно, для личной наживы, истощать сокровища чужой земли и рабочую силу завоеванного населения. Все более и более очевидна неоспоримость учения Маркса: «Какими бы словами ни прикрывалась политика буржуазии— на практике она всегда убийство в целях грабежа».

Но так же бесспорно и очевидно, что революционное правосознание пролетариата всех стран быстро возрастает и что мы живем накануне всемирной революции. Могучий и успешный труд пролетариев Союза советов, создавая на месте царской нищей России богатое, сильное социалистическое государство, делает свое великолепное дело, показывая пролетариату всей земли, что коллективный свободный труд на фабрике и в поле создает чудеса. Умное, зоркое руководство ленинского ЦК во главе с человеком, который поистине заслужил глубочайшую любовь рабоче-крестьянской массы, — это руководство не только «со скрежетом зубовным» признается, но и восхищает, а — того более — устрашает капиталистов. Восхищение конечно не мешает росту звериной злобы лавочников. И, разумеется, банкиры, лорды, маркизы и бароны, авантюристы и вообще богатые жулики будут покупать и подкупать убийц, будут посылать их к нам для того, чтобы ударить в лучшее сердце, в зрячайший революционный разум пролетариата. Все это — неизбежно, как неизбежны все и всяческие мерзости, истекающие из гнойника, называемого капитализмом.

Но против этого гнойника, все яснее освещая его отвратительное, тошнотворное, кровавое паскудство, встает и растет уже непобедимое. Не стану перечислять событий этого года, они всем известны. 18-й год диктатуры пролетариата — год исключительно мощной концентрации пролетариата и колхозного крестьянства. Выборы в советы знаменуют глубину и высоту культурно-революционного роста масс. Энергия партии вовлекает в поток своего творчества науку и технику — самые сильные орудия культурной революции. Никогда еще, за 17 лет, деятели науки не говорили с партией и пролетариатом таким языком, каким начали говорить в этом году.

В области искусства наиболее энергично заявили о своей готовности взяться за широкое строительство, создать советское зодчество — архитектора. Слушая музыку наших всесоюзных молодых композиторов, чувствуешь, что их тоже заражает эта небывало бурная энергия.

Особенно отстает литература. Эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны, в борьбе против мещанина, который гниет, разлагается и в любой момент может переползти в стан врагов, — эпоха требует от литературы активного участия в классовых битвах. Мы рановато укладываемся дрыхнуть на дешевеньких лаврах, мы все еще живем на авансы читателя, неотработанные нами. Читатель сказал нам на с'езде нашем, чего он ждет и требует от нас, но мы как-будто не верим, что он имеет право требовать, и продолжаем забавляться пустяками, демонстрируя нашу малограмотность, наш мещановатый индивидуализм и равнодушие наше к зову трагически прекрасной эпохи.

За последние четыре года большие успехи сделала советская иллюстрированная книга. Целый ряд произведений классической и советской литературы выпущен нашими издательствами с иллюстрациями лучших современных графиков — ФАВОРСКОГО, КРАВЧЕНКО, ГОНЧАРОВА, КУПРИЯНОВА, КУКРЫНИКСОВ, ТЫШЛЕРА, ЛЕБЕДЕВА, СОКОЛОВА, КУЗЬМИНА и др. Мы помещаем в этом номере ряд иллюстраций к произведениям современной советской литературы, выполненных за последние годы.

«Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Илл. худ. Кукрыниксы. «Разгром» А. Фадеева. Илл. худ. Куприянова.